

Жанрово-поэтическая структура рассказа В. Г. Короленко «Ат-Даван»

Творчество В. Г. Короленко обычно рассматривается в контексте литературы 80-х годов прошлого века. Внимание учёных, как правило, привлекают те особенности метода, жанра и поэтики его произведений, в которых наиболее ярко проявились закономерности развития литературы этого периода. Поэтому в их исследованиях центральной оказывалась проблема соотношения романтического и реалистического начала в мировоззрении и творчестве писателя, формировавшихся не без влияния идеологии и эстетики народничества [3, 5, 7, 11]. Однако художественная система Короленко, хотя и складывалась в 80-е годы, в дальнейшем быстро эволюционировала и, за исключением раннего периода, отразила характерные признаки литературы конца XIX — начала XX в. Попытка взглянуть на творчество Короленко в контексте литературно-эстетического мышления рубежа веков позволяет, как нам представляется, выявить те особенности идейно-художественной системы писателя, которые не привлекали внимания ученых.

С этой точки зрения особый интерес представляет рассказ «Ат-Даван» (1892). Исследователи писали об особенностях его идейно-композиционной структуры и художественного метода, о соотношении с предшествующей литературной традицией [3—7; 9—12] и, прежде всего, о своеобразии трактовки темы «маленького человека». Наиболее обстоятельно осуществлён сопоставительный анализ воплощения этой темы в произведениях Короленко и Ф. М. Достоевского [9; 12]. По единодушному мнению исследователей, новый подход Короленко к традиционной теме отражает перемены в общественном сознании эпохи — пробуждение гражданского самосознания даже у «униженных и оскорблённых». В оценке же художественного метода рассказа учёные разошлись диаметрально. Если Г. А. Исупова усмотрела во внимании к переломным моментам жизни героя и в особой роли лирического пейзажа элементы романтической поэтики, связанные с проявлением субъективного авторского начала [5], то Т. Г. Морозова, А. Э. Якунина, В. А. Ковалёв видят в них новые формы реалистического исследования действительности [6, 9, 12]. Столь противоречивые интерпретации художественного метода писателя вызваны особенностями новаторства Короленко. Поэтому задачей настоящего исследования является выяснение сущности этого новаторства на основе целостного анализа идейно-художественной структуры рассказа «Ат-Даван», выявление авторской позиции и средств её выражения и, в результате, ответ на вопрос о природе авторского начала и художественного метода писателя в «Ат-Даване».

Как известно, фабула «Ат-Давана» основана на реальных фактах, изложенных Короленко в корреспонденции «Адъютант его превосходительства (комментарий к недавнему событию)», которую не приняла ни одна газета, опасаясь гнева покровителя Арабина [4]. В то же время Короленко писал: «Я действительно лично с г. Арабиным не встречался и вся сцена на Ат-Даване, так же, как и личности (мой спутник, отчасти писарь), — вымышлены» [4, с. 16]. Таким образом, «Ат-Даван», как и большинство произведений Короленко, опирается на очерково-документальную основу и воспроизводит события, отличающиеся чрезвычайной злободневностью и остротой социального смысла. Однако, пройдя стадию художественного обобщения, реальные события и лица приобрели в рассказе ёмкость и многозначность. Наряду с социальным аспектом (столкновение начальника с подчинённым) и политической проблемой (угнетение царской администрацией народов Севера), исчерпывающими содержание «Адъютанта», в «Ат-Даване» предпринята попытка социально-психологического исследования различных типов личности, представленных в лице Кругликова, Арабина, Копыленкова и других персонажей, а также философского осмысления происходящих событий в целом. Как же достигается подобный масштаб и глубина исследования жизни в небольшом по объёму рассказе?

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в «Ат-Даване», в отличие от «Адъютанта», нет главного героя. Им не является даже Кругликов, хотя он и играет важную роль в рассказе. На отсутствие главного героя указывает и заглавие, обозначающее место, где происходят основные события, а также подзаголовок «Из сибирской жизни». Это настраивает читателя на восприятие рассказа как повествования об одном из фрагментов бытия, процессе самой жизни. Такой подход заставляет вспомнить чеховские принципы художественного воссоздания действительности, оказавшиеся чрезвычайно плодотворными для литературы рубежа веков.

«Ат-Даван» отличает ещё одна примечательная черта. Почти каждый из представленных в рассказе типов личности не только вписывается в типологический ряд подобных персонажей, сложившийся в предшествующей русской литературе, но и как бы «синтезирует» черты и свойства многих из них. Реминисценции в «Ат-Даване» отнюдь не исчерпываются произведениями Достоевского, как считает Т. Г. Морозова [9], но охватывает опыт художественного исследования действительности, накопленный всем предшествующим литературным, философским и культурным развитием. В «Ат-Даване» своевременно отразились сюжетные мотивы и образы многих произведений XIX в. Как и пушкинский Вырин, Кругликов — станционный смотритель (писарь) и пожилой человек. Вырин рассказывает свою историю, утирая слёзы и вдохновляясь пуншем. Примерно то же происходит и с Кругликовым: специально для рассказа он достаёт водку и, дойдя до драматической части повество-

вания, плачет. Гоголевский Поприщин и Голядкин Достоевского страдали от того, что дочери их начальников никогда не снизойдут до внимания к ним. Для Кругликова жизнь становится невыносимой, когда он узнаёт, что его возлюбленная определена в жёны начальнику его канцелярии, генералу Латкину, и стала для него, простого чиновника, недоступна. Возлюбленная Кругликова, Раиса, подобно героиням пьес А. Н. Островского — Катерине из «Грозы», Ларисе Огудаловой из «Бесприданницы» — способна не только на нежное чувство, но и на решительный и безрассудный поступок во имя своей любви: решив не выходить замуж за Латкина, Раиса на крайний случай покупает пистолет...

Арабин, приобретающий в песках якутов облик грозного и всемогущего Арабын-тойона, приближается по своим характеристикам к не менее грозным глуповским градоначальникам из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Студент Дмитрий Орестович вызывает в памяти целую эпоху — образ Базарова, статьи Д. И. Писарева, движение шестидесятников в целом. Отцы Раисы и Кругликова, сокрушающие властной рукой судьбу детей во имя исполнения своей родительской воли, вполне соотносимы с образами купцов-самодуров из пьес А. Н. Островского.

Не обойдена вниманием и эпоха, современная писателю. В процессе развития сюжета герои совершают значительные поступки (Кругликов стреляет в соперника, вступает в спор с Арабиным, повествователь приходит к нему на помощь), но положение их в итоге не изменяется. Такая подчёркнутая безрезультатность событий сближает «Ат-Даван» с творчеством А. П. Чехова. Человеку очень трудно вырваться из своей колеи, противостоять миросостоянию в целом:

Даже приведённых примеров (а их число можно расширить) достаточно, чтобы убедиться в том, что Короленко уже не нужно тщательно выписывать своего героя. Ему, как и другим новеллистам конца XIX — начала XX в. (А. П. Чехову, Л. Андрееву и др.), достаточно активизировать сотворчество читателя, кратко, при помощи реминисценций, включив своего персонажа в соответствующий типологический ряд. При этом не было необходимости подробно воспроизводить то, что уже было исследовано предшественниками. Главное же заключалось в том, что образы эти не просто вписываются в соответствующий типологический ряд, но обобщают основные черты и свойства персонажей этого ряда. Это новый, характерный для литературы конца века принцип типизации, основанный на итоговом обобщении типов героев, их общественно-психологического содержания, сознания, типа поведения, хорошо знакомых по литературе.

Подобная «итоговая» типизация вовсе не является повторением прежних художественных решений. Она по-новому интерпретирует известные образы и ситуации, открывает в них ранее не замеченные (а, может быть, и не существовавшие)

черты и свойства. Образ «маленького человека» Кругликова, несмотря на многочисленные черты сходства, значительно отличается от своих предшественников. В начале кронштадтской истории положение Кругликова, с житейской точки зрения, вполне благополучно, что не характерно для типа «маленького человека». Его отец достаточно состоятелен, у Кругликова есть место в канцелярии, он «у начальства на виду», а значит, может рассчитывать на продвижение по служебной лестнице; у него есть невеста, которая, как положено, давно выбрана, красива и принадлежит к его кругу. «Маленький человек» доволен существующим миропорядком и весь сосредоточен на достижении благополучия для себя. Этот мещанский мирок вызывает в памяти героев К. С. Баранцевича, мелких городских буржуа, принимающих жизнь такой, как она есть, и чуждых высоким идеалам. В литературе 80-х годов под флагом теории «малых дел» возводился в идеал тип «маленького человека», не имеющего «высоких мыслей» [10, с. 47]. На этой стадии Кругликов симпатии не вызывает. Симпатии к «маленькому человеку» появляются, когда в изменившейся ситуации он оказывается способным на активное противодействие злу, что также отличает его как от литературных предшественников, в том числе у Достоевского [9], так и современников, например, от героев романа Баранцевича «Раба. Из жизни заурядного человека» (1887), действие которого, кстати, происходит также в Кронштадте [10, с. 48]. Кругликов же осознаёт себя полноправной личностью, что рождает стихийный протест, ломку общественных стереотипов поведения.

Характерное для литературы и эпохи рубежа веков критическое отношение к устоявшимся нормам и взглядам, стремление показать читателю нетрадиционный, но не менее разумный, чем общепринятый, взгляд на вещи можно усмотреть в трактовке Короленко литературы о «сераскирах» и «королевичах». Поначалу читатель вместе с Кругликовым снисходительно улыбается, читая об увлечении Раисы романтической литературой и её попытках спроецировать «сказку» на реальную жизнь, забывая, что «сказка ложь, да в ней намёк». Но вот положение меняется, появляется Латкин, «романтическая» ситуация возникает в жизни, и теперь уже взгляды «реалиста» Кругликова становятся жалкими и бесконечно пошлыми.

При своём сравнительно небольшом объёме «Ат-Даван» многогероен. Его герои (герой-рассказчик, его спутник купец Копыленков, стационный писарь Кругликов, грозный Арабин, Раиса, отцы Раисы и Кругликова, студент Дмитрий Орестович, бомбардиры, почтальон и т. д.) образуют сложную систему взаимоотражения, начиная от сопоставления позиций и поведения героев в различных ситуациях и заканчивая характеристиками, которые некоторые из них дают другим по ходу действия. Это напоминает систему «зеркал», знакомую нам по романам Достоевского. Поскольку каждый из героев представляет собой не только определённый социальный тип, но и этико-

философскую позицию, осознанную в различной степени, в итоге складывается объективное и довольно полное представление о сложном и противоречивом мире конца века, современном писателю. Кроме того, такая композиция позволяет выразить авторскую мысль не прямо, а художественно опосредованно. Этой же цели служит отсутствие в конце «Ат-Давана» авторского резюме. Споры героев завершаются ничем. Тем самым автор заостряет внимание читателя не на конкретном варианте решения проблемы, а на самой проблеме, на глубинных пластах её содержания и на её принципиальной нерешённости, что также характерно для литературы рубежа веков.

Обобщённое изображение итогового и нового в рассказе придаёт более широкое значение описываемым событиям. Этой же задаче — расширить, углубить содержание рассказа — подчинено и использование Короленко пейзажа. С одной стороны, пейзаж в «Ат-Даване» с этнографической точностью воспроизводит картины сибирской природы. Об этом свидетельствует признание самого писателя: «...Когда я писал (ночью) «Ат-Даван», то при описании реки и дальнего берега испытал зрительную галлюцинацию. Под последней строкой на бумаге, во всю ширину листа, я увидел полосой, точно нарисованный красками, пейзаж: туманную полосу горного берега при лунном освещении» [4, с. 14].

С другой стороны, ночные описания затерянного во времени и пространстве сибирского станка и природы вокруг него предстают как картины первозданного Хаоса и Космоса, вызывающие ассоциации с философской романтической «ночной» лирикой Ф. И. Тютчева, а также с имеющими философское значение ночными пейзажами в реалистических романах Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: «Река, загромождённая белым торосом, слегка искрилась под серебристым и грустным светом луны, стоявшей над горами ... всё исчезло внезапно, только торосья искрились фантастическим хаосом, да сопки тихо спали в тени, и какие-то неясные грёзы передвигались под дальними берегами» [1, с. 283].

Однако, несмотря на глубокую связь с «ночными», «космическими» пейзажами предшествующей романтической и реалистической литературы, пейзаж в «Ат-Даване» имеет всё же свои идейные и художественные особенности.

Прежде всего, в духе литературы рубежа веков он осложняется сказочно-мифологическими элементами: почтовые тройки подобны фантастическим животным, треск льда напоминает стон чудовищной птицы, летящей со страшной быстротой, станция похожа на сказочную пещеру: «В ямщицкой огромный камелёк, плотно сбитый из глины, зиял, точно раскрытая огненная пасть сказочного чудовища... юрта казалась огромной пещерой с тёмными сводами. Группа огненных же фигур, будто только что отлитых из не остывшего ещё металла, сомкнулась полукругом около камина» [1, с. 284]. Не удивительно, что в таком мире казачий хорунжий превращается в сказочного ве-

ликана Арабын-тойона, а его бешеная скачка по Сибири в нечто фантастическое: «...две тройки мчались, как птицы, со смертельным ужасом в глазах, ящик походил на мертвеца, застывшего на облучке с вожжами в руках; седок стоял, сверкая глазами и размахивая флагом...» [1, с. 287].

Сказочно-мифологический пейзаж способствует ещё большему увеличению степени обобщения образов персонажей и коллизии произведения в целом. Не случайно своеобразным зачином произведения, определяющим лирико-философский угол зрения, под которым следует воспринимать все последующие события, является картина природы, запечатлевшая следы борьбы двух первоначал — реки жизни и смертоносного мороза: «Но мороз, наконец, победил. Река застыла, и только гигантские торосья, целый хаос огромных льдин, нагромождённых в беспорядке друг на друга, задавленных внизу или кинутых непонятным образом кверху, остался безмолвным свидетелем **титанической** (подчёркнуто нами. — В. Т.) борьбы, да кое-где ещё зияли длинные, никогда не замерзающие полыньи, в которых прорывались и кипели быстрые речные струи. Над ними тяжело колыхались холодные клубы пара, точно в полыньях действительно был кипятик» [1, с. 273].

В отличие от литературы XIX в., Космос Короленко, при всей его величественности и своеобразной дикой красоте — «гиблое место». Чтобы не пропасть в таком мире, человеку (как и реке) необходимо невероятное напряжение всех жизненных и духовных сил. А если возок, в котором едут рассказчик и Михайло Иванович, и уподобляется по традиции «лодочке в бурном море», то само это море оказывается ледяным, безжизненным, покорённым морозом. Более того, сильный и всемогущий мороз на протяжении описанных в рассказе событий неотвратимо нарастает: трещат льдины, стекленеет даже воздух. При этом отнюдь не случайно, что ещё одним оазисом жизни и сопротивления среди ледяной пустыни остаётся убогое пристанище человека — станок Ат-Даван, над которым, как и над непокорённой полыньёй, вьётся «едва заметная белая струйка дыма» [1, с. 313].

Характерные почти для всех сибирских рассказов Короленко зимние пейзажи в «Ат-Даване» начинают приобретать не только символическое значение, но и ту сложную структуру взаимодействующих антонимичных символических микрообразов (тепло — холод, свет — тьма, движение — покой), которая получит наиболее полное воплощение в рассказе «Мороз» (1901).

В этом произведении, в соответствии с уровнем развития литературы рубежа веков, символический образ мороза из статического превратится в динамический, постепенно складывающийся символ, играющий центральную идейную и структурообразующую роль (сравн. «Красный смех» Л. Андреева). В «Ат-Даване» упорядоченное взаимодействие символических антонимичных микрообразов повторяет основные этапы разви-

тия коллизии рассказа. Итог такого взаимодействия — неяскаемая, хотя и «едва заметная белая струйка дыма» над ледяным хаосом — имеет принципиальное значение для выражения авторской позиции, поскольку развитие эпического сюжета, как уже говорилось, по сути не имеет никаких ощутимых результатов.

Ещё одна важная функция пейзажа Короленко — создание настроения, необходимого для философского осмысления происходящего. В «Ат-Даване» это неясная тревога, грусть, ожидание печальных событий, значительность которых подчёркивает первозданный хаос в природе, усиливающийся по мере приближения основных сцен действия. В данном случае этот хаос как бы погружает читателя в атмосферу зарождения мироздания, где важнейшие для пробуждающейся личности вопросы ещё только ждут своего разрешения. Такие приёмы помогают автору выйти за рамки отдельного случая на глухом станке, усилить звучание основного мотива — столкновения зарождающегося общественного, гражданского самосознания «маленького человека» и догматической, подавляющей силы традиционных норм социального поведения. Таким образом, авторская позиция в «Ат-Даване» складывается и выражается на всех уровнях композиции произведения, в том числе и на самом глубинном уровне повествования — на уровне подтекста.

Широкое использование охарактеризованных способов отражения действительности, позволяющих максимально усиливать степень обобщённости изображаемого, дали Короленко возможность расширить ёмкость малой жанровой формы. Как показал анализ, идейно-художественная структура «Ат-Давана» обнаружила черты и свойства, характерные для русской литературы конца XIX — начала XX в. С литературой рубежа веков Короленко сближают как особенности конфликта, лежащего в основе произведения (пробуждение гражданского самосознания у «маленького человека»), так и художественные способы его исследования — итоговый подход в рассмотрении жизненных и философских проблем, широкое обобщение материала благодаря созданию нового типа структуры характера персонажей, синтезирующего черты и свойства героев определённых типологических рядов, а также лирико-символических форм нового типа и подтекста. Общим с литературой рубежа веков является также стремление Короленко представить происходящее в «Ат-Даване» как фрагмент потока жизни и избавить описываемое от готового, однозначного вывода, который обычно несёт в себе открытое выражение авторской позиции. Результаты исследования показывают, что романтизм у Короленко является не принципом воссоздания действительности, а одним из объектов переосмысления, причём не главным и не единственным. Всё это позволяет сделать вывод о важной роли, которую Короленко сыграл в развитии реализма не только 80-х — 90-х годов, но и конца XIX — начала XX в.

1. Короленко В. Г. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1953—1956. Т. 1, 1953. 2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977—1979. Т. 6. 1978. 3. Гусев В. А. Стили русской реалистической прозы конца XIX века как художественная система. Днепропетровск, 1983. 4. Дерман А. П. История создания «Ат-Давана» (по неизданным материалам // Родн. яз. и лит. в трудовых шк. 1928. № 4—5. 5. Исупова Г. А. Эстетический идеал Короленко и его воплощение в сибирских рассказах // Уч. зап. Казан. ун-та. 1963. Т. 123. Кн. 9. 6. Ковалев В. А. Лев Толстой и русские писатели-реалисты конца XIX — начала XX вв. (проблема героя и среды) // Толстовский сборник. Доклады и сообщения XII толстовских чтений. Тула, 1973. Вып. 5. 7. Мавская Т. П. Романтические тенденции в русской прозе XIX века. К., 1978. 8. Маламед Е. Адъютант его превосходительства... // Лит. учеба. 1982. № 4. 9. Морозова Т. Г. Рассказ В. Г. Короленко «Ат-Даван» и традиции Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. 10. Муратов А. Б. Проза 1880-х годов // История русской литературы. Л., 1983. Т. 4. 11. Цой Е. П. Символ свободолюбия (об идейно-художественной функции романтических элементов в рассказе Короленко «Соколинец» // Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974. 12. Якунина А. З. Творчество В. Г. Короленко и традиции Ф. М. Достоевского // Проблемы типологии литературного процесса. Пермь. 1981.

Статья поступила в редколлегию 07.03.88

Л. А. Орехова, ассист.,
Симферопольский университет

Стилевые особенности современной лирической прозы

Важнейшая роль в раскрытии внутреннего мира человека принадлежит лирической прозе, раскрывающей глубинные движения человеческой мысли, фантазии, эмоций. В этом смысле у нее определенные преимущества перед эпическими и драматическими произведениями: стремление художника выйти на прямое общение с читателями предполагает откровенность переживаний, «исповедность» авторского голоса. Отсюда — сердечность и доверительность интонаций, идущих прямо к сердцу читателя.

В то же время ряд неудач «исповедальной» литературы 60-х годов, серьезные недостатки отдельных лирических произведений (оторванность от важнейших проблем времени, замкнутость внутреннего мира героев) вызвали суждения об «ограниченных возможностях» лирической прозы в обрисовке «героя деятельного, в полном смысле современного» [18, с. 25], о ее неспособности дать «комплексное исследование человека и его среды» [21, с. 112—113], «охватить личность героя целиком» [10].

Однако современное состояние литературного процесса показывает, что лирическая проза не потеряла своего значения и развивается весьма плодотворно. Заслуженно пользуются признанием «Дневные звезды» О. Берггольц, «Владимирские проселки», «Капля росы», «Камешки на ладони» В. Солоухина, в